

Харон Советского Союза / рассказ

Category: Heкаýalar, Kitapcy

написано kitapcy | 24 января, 2025

Харон Советского Союза / рассказ ХАРОН СОВЕТСКОГО СОЮЗА

Рынок-то разросся, и на каждом шагу предлагают памятники, венки, цветы бумажные ядовито-колоритные, ограды витые, мраморные, золотые, плиты гранитные, да хоть ониксовые, – а в шестидесятые-семидесятые хорошее ритуальное всё было в дефиците. Трудно сказать, почему именно в нашей стране, где народ весь XX век был со смертью накоротке, вышел сей казусный недобор. Культура умирания и захоронения не развивалась ни духовно, ни эстетически, а на кладбищах воровали всё, кроме разве что покойников. Дедушку моего попросили навести порядок в похоронном бюро Старого кладбища Воронежа: «Ты коммунист!»

Дедушка принял хозяйство и остался хароном лет на двадцать пять. И парторгом был, и заведующим, и диспетчером по транспорту, но навлона не брал ни в один обол, ни в миллион. Он даже копачам мешал брать сверху. Он обеспечивал законность. Он проводил партсобрания, выписывал центральные газеты, читал с подчёркиванием, делал вырезки и складывал в картонные папки, чтобы хорошо провести на кладбище политинформацию по актуальным проблемам жизни. Утром он давал мне узорный ключик и просил сходить в ящик за газетами. Каждый вечер, приходя со службы, он рассказывал любимой жене, то есть моей бабушке, как прошёл рабочий день и что нового в системе планового упокоения мирных воронежцев

Квартира их была двухкомнатная смежная, хрущоба с аркой, и я прекрасно слышала его деловые отчёты. Дедушка ел с удовольствием, любил котлеты, пельмени, всё посыпал сахарком, а бабушка подавала-принимала. Дверь в кухню всегда была распахнута. Будь я детективщик крови, надо было бы сидеть под

кухонным столом и ежевечерне записывать. Матерьял! Например, некий оттепельный муж, удачно сходяв налево, решил покончить с опостылевшей законной супругой ради новой страсти. Мужчине, всем известно, всё можно. Замыслив преступное деяние, упомянутый муж, он же свежий-любовник-с-налево, решил вопрос по-умному, с иезуитским шармом. Жена его законная привыкла к приуготовительным ласкам в виде лёгкой щекотки в районе рёбер, подмышек и пяток, и коварный завернул её в простынку и зачекотал до смерти. Как уж следователи разгадали его технику — не ведаю. Но мужика посадили мгновенно, а жену похоронили с сочувствием. Подобных love story я выслушала сотни. К чести дедушки, он не отступал от телеграфного стиля. Репортажи с кладбища были строги, без модальностей. Мне кажется, он, глубоко советский человек, однажды просто привык к любым выходкам инферно.

По словам дедушки, кладбище пропускало примерно сорок клиентов в сутки. Количеством захоронений управляла не только жизнь, но план. Иногда план не выполнялся, и мы дома ломали голову: как выполнить социалистические обязательства? А ещё ведь и встречные планы, неизбежные в рамках системы. А пятилетку в четыре года! Дедушка партиец: попробуй допустить отставание. Саботаж пришьют как нечего делать. Помню, сидим вечером думаем над квартальным планом по покойникам, а по телеку идёт очень смешной «Зигзаг удачи» с бесподобным Евстигнеевым: фотоателье не успевает выполнить месячный план, и смекалистые сотрудники начинают фотографировать друг друга. Мы весело переглянулись.

Взрослые — способные существа, с выдумкой. Я изучала взрослых не по одним убийцам, но и по ворам. Выданные прямо из свежих могил металлические венки да цветы, продаваемые по три раза на дню, по кругу, да махинации со скорбным инвентарём, да украденные плиты, памятники... А дедушка был непримирим, не укради читил как основную, и однажды копач, у которого лопнуло терпение, бросился с топором на моего избыточно праведного дедушку — аккуратно в кабинете главного бухгалтера, прямо в конторе похоронного бюро. Добрая женщина-бухгалтер, в блузке

нейлоновой (мода шестидесятых и тоже дефицит), вскочила и заслонила дедушку от топора разъярённого могильщика. Удар пришёлся по сливочно-белому плечу, а нейлон выдержал, и блузка уцелела. Чёрный синяк на плече бухгалтера потом рассосался, а дедушка ничуть не изменил своего отношения к копачам: бери зарплату, а с родственников свежепреставленного клиента — ни-ни. Копачи, разумеется, всё равно брали, грех не взять, но дедушка продолжал бороться с мздоимством до победного, до пенсии, на которую и ему однажды пришлось выйти. Не на ту военную по молодой стенокардии, на которой он уже давно пребывал формально, а по глубокой старости.

Впрочем, старость была не про него. Сапожник без сапог — вот это про него. Когда в 1972 году хоронили его дочь, то первый же венок, из красивых металлических, был украден с её могилы мгновенно. Второй венок дедушка приварил к стальному стержню, а под землёй — к длинному кронштейну, чтобы не оторвали. Конструкцию ночью расшатали, но вытащить не смогли. А вскоре часть могильной площади оттяпали случайные соседи по кварталу, захоронившие свою родственницу с определённым шиком и размахом. Дедушка вдруг поник. К дедушке годами весь Воронеж ходил — прямо к нам домой — с просьбами. Я уже как слышала звонок в нашу дверь, значит, кто-то умер, и родня покойного пришла к дедушке за содействием в нормальной организации процессии. Но в роковую минуту постеснялся он пойти стукнуть кулаком, чтобы на могиле его собственной дочери кто-нибудь навёл закон и порядок, а кто! Кто? За порядок-то он привык отвечать перед партийной совестью своей, а это святое, выше нет ничего. И никогда не смог поверить он, что нет на Земле одной на всех правды.

Дедушка стал моим опекуном. Он горячо полюбил родительские собрания, важно получал грамоты «За образцовое воспитание внуки», восторженно внимал похвалам. Мы с дедушкой смотрели по телевизору хоккей, орали шайбу, а если в школе намечалось политпросвещение, а я комсорг, то к моим услугам аккуратные дедушкины папки с вырезками из «Правды». Кстати, мне с

кладбища перепали дефицитнейшие подписки на толстые журналы. Я с детства читала всё то, за чем охотилась читающая страна, а у меня – дедушка! У них для похоронной парторганизации была квота даже на журнал «Америка». И уж нашу-то «Иностранную литературу» я знала всю. С бабушкой мы смотрели бокс, ей нравилось.

Дедушку никогда не волновали мои амуры. Его волновало прилежание и поведение, чтобы ему дали ещё грамот. К моему первому замужеству дедушка отнёсся с той же добросовестностью, с коей выполнял социалистические обязательства по захоронениям. Если другие родственники всё-таки выступили – что же нас-то не предупредила! – то дедушка и бровью не повёл. Вышла и вышла. Пусть привозит. И вот я привезла в Воронеж московского мужа. Брак наш был полушутливый, ради прописки мне и квартиры ему, но что-то живое в нём всё-таки было, хоть и недолго. Короче, явились. Лето. Птички. Всё зеленеет – Центральное Черноземье благоуханно, пейзажно, диво дивное.

Дедушка сказал, что для знакомства с окрестностями Воронежа он пришлёт молодым москвичам служебную машину. О ту пору дедушка был в должности кладбищенского диспетчера по транспорту. Просыпаемся мы с моим новобрачным мужем, выходим на улицу – да, транспорт ждёт. Белый ритуальный автобус с широкой чёрной полосой. Водитель транспорта, получивший указание от дедушки всё им показать, весело приглашает нас в салон, мы восходим: там, понятно, лавки по стенкам, а в середине блестящий постамент. Цинковый, возможно. Выдвижной. Ну, вы понимаете. Едем.

Окрестности Воронежа – русская природа в самом аутентичном её варианте: простор необъятный, горизонта нет, леса дремучие, небо высоченное, а сосны могучие как струны красные – и звенят. Извините за банальность. Царь Пётр весной 1696 на реке Воронеж построил первый регулярный военно-морской флот России. Азов брать. Взял. В описываемом первобрачном году сосны, конечно, были уже не те корабельные, но мощь осталась, гений места, уверенность и сила, всё царственно, всё берёт за душу.

Я-то в настоящей России выросла, а мужу внове, он москвичок таганский, смотрит по сторонам, вертит шейкой. А дороги раздолбанные, и нас с новобрачным кидает от одной стенки транспорта к другой, и мы летаем над металлическим прямоугольником туда-сюда, стараясь не сделаться клиентами дедушкиной конторы тут же. Свадебное путешествие в ритуальном автобусе надолго запомнилось всем участникам события. Развелись через пять лет, само собой, но это уж по умолчанию.

Когда ушла бабушка, дедушка похудел, загоревал: тяжело вдовствовать после пятидесяти шести лет сыр-в-масле-катания. Бабушка была идеальная жена и мать. Их дети любили своего отца, то есть моего дедушку, как бога. Плакал дедушка и говорил тихонько, будто в сторону, что не сможет жить без Шурочки. По-прежнему внимательно следил за общественно-политической прессой, веря в печатное слово и в партию. Коммунист, уже уволившийся со своей хлопотной работы, он продолжал платить партийные взносы, для чего раз в месяц ездил на кладбище, в свою родную партийную ячейку. Однажды взносы на кладбище не приняли. Даже дверь не открыли. Дедушка – кавалер двух Орденов Ленина, абсолютный солдат и неистовый патриот, не понял. Кладбище кладбищем, но Ленин-то всегда живой. С ним осталась их младшая дочь Зоя, и вернувшись домой, неслыханно озадаченный дедушка нашёл силы спросить у неё, не знает ли она. Зоя сказала, что СССР и КПСС больше нет. И тут он пришёл в перевозданную ярость: «Что ты несёшь! Взрослая женщина, а такую чушь городишь! Как это нет?!»

Дочь пыталась объяснить, но не смогла. Многие до сих пор не могут. Дедушка страшно сник, не поверил, стал названивать в партком кладбища, а там гробовая тишина. Вскоре дедушка заболел по-крупному. У него нашли всё возможное, включая неизбежное. Тётке посоветовали оповестить родственников и готовиться. Тётка оповестила меня, квартиру приватизировала, накупила устройств по уходу за лежащим старым мужчиной, маленьким, но тучным, и начала бояться, поскольку она своего отца любила. Она преподавала в музыкальной школе, на работу

ходила ежедневно и беспокоилась за неподвижного старика, оставляемого дома. Дедушке пытались сделать операцию, но поджелудочная с канцеродиагнозом оказалась неоперабельной, зашили разрез, а Зое сказали правду. У деда и так всю жизнь то одно то другое, но тут Зоя всё поняла и затосковала. Никого нет: сама в разводе, сын её отбыл музицировать в другую страну навсегда, одна с больным отцом, теперь она трусила малейшего шороха, прислушивалась, и даже затейливый храп его, раздражавший прежде, стал казаться музыкой сфер.

Май, сирень; сидит Зоя на работе, преподаёт детишкам фортепьяно. Её зовут в учительскую. С вылетевшим в горло сердцем бредёт она к телефону и слышит: «Зоя Александровна, заберите, пожалуйста, вашего папу, ему что-то нехорошо!»

– Откуда забрать? – ошеломлённо шепчет Зоя.

– Да он тут у нас в салоне.

– В каком салоне?!

– На вокзале.

Оказывается, умирающий дедушка лежал-лежал один дома и вспомнил, что давненько не стригся у своего мастера, красивой женщины с формами. Офицер, он привык стричься коротко. А тут весна. И он встал. И пошёл на вокзал в салон красоты. И дошёл. И подарил мастерице шоколадку, как всегда поступал при виде женщины. И сел в кресло – стричься.

Я с детства помню, что искать конфеты всегда следовало в дедушкиных карманах. Он говорил: «Во рту должно быть сладко». Он отверг умирание и пришёл стричься, потому что офицеру надо коротко. Принёс шоколадку, потому что его парикмахер – женщина. *Noblesse oblige*.

После визита в парикмахерскую он выбросил из обихода все роковые болезни, включая последнюю стадию, и начал мечтать о любви. Кончину КПСС и СССР он забыл. Бабушку, покойную супругу, забыл. Нас, троих внуков, забыл. Увидев свою правнучку, то есть мою дочь, не разобрался. Остался в приятном чувстве от хорошего знакомства.

К нему планово приходила роскошная дама, участковый врач с блестящим фонендоскопом на белой шее, с многообещающим тонометром в белых рученьках, а он просил её не мерить

давление, а показать – что там у неё под белым халатиком. Зоя, неизменно присутствовавшая при сценах эроса между девяностолетним стариком и прекрасной медичкой, хохотала до слёз и всплёскивала руками, а он обижался и говорил, что вот, взрослая женщина, родная дочь, а не понимает.

Он забыл смерть, он наконец вышел на полный отдых, оставив своё кладбище вместе с неверной партийной ячейкой и потерявшейся страной – в прошлом. И смерть забыла его.

Об авторе: ЕЛЕНА ЧЕРНИКОВА

Родилась в Воронеже. Училась в Литературном институте им. М. Горького. Семинар критики и литературоведения. Член Союза журналистов Союза писателей, член-корреспондент Академии Российской литературы с 2006 г, дипломант Всероссийского конкурса премии «Хрустальная роза Виктора Розова» (2006). Основные произведения: романы «Золотая ослица», «Скажи это Богу», «Зачем?», «Вишнёвый луч», «Вождение бездны», сборники «Любовные рассказы», «Посторожи моё дно», «Дом на Пресне», документальная повесть «Русская женщина в городе». Автор учебников «Основы творческой деятельности журналиста» и «Литературная работа журналиста», руководств «Азбука журналиста» и «Грамматика журналистского мастерства». Член жюри международных и всероссийских литературных и журналистских конкурсов. Произведения переводятся на иностранные языки (английский, голландский, китайский, шведский и др.) Автор идеи, составитель и редактор книжной серии «Поэты настоящего времени». Руководитель проекта «Клуб Елены Черниковой» в Библио-глобусе, Москва. Neкаýaġar